

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В МОРФОЛОГИИ

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD) кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Мамаюсупова Мадина Ахтамовна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию функционально-семантических полей (ФСП) в морфологической системе русского языка. Автор предлагает критический анализ традиционного подхода к морфологии как к изолированной системе форм и обосновывает необходимость перехода к функциональной грамматике, где языковые единицы рассматриваются в единстве их формы, семантики и контекстуальной обусловленности. В работе рассматривается стратификация ФСП на ядро, центр и периферию, а также описываются механизмы семантической транспозиции, нейтрализации и кросспарадигмального взаимодействия. Особое внимание уделяется анализу таких полей, как темпоральность, аспектуальность, модальность и персональность. На материале современного русского языка демонстрируется, как морфологические категории утрачивают свою жесткую дискретность, образуя континуальные зоны с лексическими и синтаксическими средствами. В заключении формулируется тезис о гетерогенности морфологического пространства и принципиальной нередуцируемости значения к форме. Статья предназначена для специалистов в области теоретической лингвистики, функциональной грамматики и русистики.

Ключевые Слова: функционально-семантическое поле, морфология, аспектуальность, темпоральность.

Проблема описания морфологического строя русского языка на протяжении последних десятилетий все отчетливее обнаруживает недостаточность таксономического подхода, при котором языковые единицы классифицируются исключительно по формальным признакам их парадигматической организации. Традиционная грамматика, достигнув значительных успехов в инвентаризации и классификации морфологических форм, неизбежно сталкивается с ограничениями, когда речь заходит о семантике: выясняется, что одна и та же грамматическая форма способна передавать принципиально разные смыслы, а один и тот

же смысл может выражаться множеством разнородных формальных средств. Именно в этой точке обнаруживает свою эвристическую силу понятие функционально-семантического поля, разработанное в рамках теории функциональной грамматики прежде всего в трудах отечественных лингвистов, имена которых здесь следует переформулировать в виде их концептуальных вкладов. Так, один из крупнейших представителей петербургской функциональной школы предложил рассматривать каждую грамматическую категорию не как замкнутую систему противопоставленных форм, а как поле, включающее в себя разноуровневые средства языка — морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические и даже интонационные — объединенные общностью семантической функции. Другой исследователь, развивая эти идеи, детализировал понятие полевой структуры, введя различие ядра и периферии, где ядро составляют наиболее специализированные и регулярные морфологические средства, а периферия — лексические и синтаксические заместители, действующие в условиях недостаточности или нейтрализации ядерных форм. Третий ученый, работавший преимущественно в области аспектологии, показал, что семантическая оппозиция совершенного и несовершенного вида пронизывает не только глагольную парадигму, но и сферу темпоральных наречий, частиц и даже синтаксических конструкций с фазовыми глаголами. Эти идеи, будучи объединенными, образуют теоретический фундамент, на котором становится возможным переописание морфологии как системы функциональных полей, а не изолированных клеток парадигмы.

Ключевым методологическим решением при таком подходе оказывается отказ от примата формы над значением. Вместо вопроса «какие значения выражаются данной формой?» функциональная грамматика ставит вопрос «какими средствами выражается данное значение в языке?». Это, на первый взгляд, простое изменение перспективы влечет за собой радикальную перестройку всего описательного аппарата. Морфологическая категория перестает быть самодостаточной сущностью и становится лишь наиболее компактным и регулярным, но отнюдь не единственным способом реализации определенной семантической зоны. Возьмем, к примеру, зону темпоральности — семантическую область, связанную с локализацией ситуации во времени относительно момента речи или другой точки отсчета. Ядром темпорального поля в русском языке, бесспорно, является система глагольных времен: форма прошедшего времени с суффиксом -л- и родовыми окончаниями, форма настоящего времени с личными

окончаниями первого спряжения и второго спряжения, а также форма будущего времени, которая может быть синтетической для глаголов совершенного вида и аналитической для глаголов несовершенного вида. Однако если ограничиться только этими формами, мы окажемся неспособны объяснить, каким образом носители языка выражают временные отношения в ситуациях, где глагольная форма по тем или иным причинам недифференцирована — например, в инфинитивных конструкциях или в безглагольных предложениях. В такой конструкции, где отсутствует финитный глагол, а предикация строится вокруг имени существительного в именительном падеже и адъективного или адverbиального временного определителя, временная семантика целиком переносится на лексическое значение временного указателя и синтаксическую позицию. Это периферийное средство, однако, функционирует с полной регулярностью и не воспринимается носителями как дефектное или неполноценное. Более того, существуют целые жанры и типы дискурса — газетные заголовки, ремарки в драматургии, устные нарративы в режиме реального времени — где такие безглагольные темпоральные конструкции становятся почти нормой. Таким образом, темпоральное поле оказывается континуумом, простирающимся от морфологического ядра через лексико-синтаксическую периферию к чисто лексическим и контекстуальным средствам.

Сходным образом устроено и функционально-семантическое поле аспектуальности, которое в русском языке традиционно ассоциируется с оппозицией совершенного и несовершенного вида. Ядром этого поля служит именно глагольный вид как морфологическая категория, охватывающая все глагольные лексемы за исключением небольшого числа двувидовых и не имеющих видовой пары единиц. Однако семантическая зона аспектуальности включает в себя не только собственно видовое противопоставление целостности и процессуальности, но также способы глагольного действия, фазовую семантику начала, продолжения и завершения, кратность и однократность, дистрибутивность и суммарность. Важнейшее наблюдение, которое делает теория функционально-семантических полей, заключается в том, что периферийные элементы аспектуального поля могут компенсировать нейтрализацию ядерных противопоставлений. Так, в форме будущего времени глагола несовершенного вида видовое значение процессуальности сохраняется, но оказывается осложненным модальным оттенком намерения или предсказания. В тех же случаях, когда глагол совершенного вида употребляется в форме настоящего времени в переносном значении так называемого настоящего исторического,

видовое значение целостности вступает в конфликт с темпоральным значением одновременности моменту речи, и этот конфликт разрешается за счет контекстуального смещения акцента: актуальная целостность действия замещается его образной, нарративной целостностью. Еще более показательным является случай так называемой конкуренции видов в императиве. Когда носитель языка использует форму повелительного наклонения глагола несовершенного вида, он, как правило, выражает побуждение к совершению действия вообще, без указания на его завершенность или даже с оттенком обязательности повторения. Напротив, форма повелительного наклонения глагола совершенного вида маркирует побуждение к однократному и целостному действию, часто с оттенком немедленности. Однако существует целый контекстный класс — прежде всего запретительные конструкции с отрицанием, где нормативное употребление требует именно формы несовершенного вида, причем семантически это связано с тем, что отрицание снимает целостность действия и переводит его в режим процессуальности или потенциальности. Описательно говоря, конструкция, где отрицательная частица соединяется с формой повелительного наклонения глагола совершенного вида, воспринимается как стилистически маркированная, архаичная или диалектная, тогда как аналогичная конструкция с глаголом несовершенного вида является нейтральной. Здесь периферия (лексико-синтаксическое взаимодействие отрицания и вида) фактически диктует правила выбора ядерной морфологической формы.

Еще более сложную и теоретически значимую картину представляет функционально-семантическое поле модальности. В отличие от темпоральности и аспектуальности, где морфологическое ядро достаточно компактно, поле модальности в русском языке имеет многоядерную структуру. Одно ядро образуют формы наклонения — изъявительного, повелительного и сослагательного, выражающие соответственно реальность, побуждение и гипотетичность или желательность. Второе ядро — это модальные глаголы и предикативы, такие как лексема со значением возможности, лексема со значением необходимости, лексема со значением желания и другие, которые, хотя и принадлежат лексическому уровню, обладают высокой грамматикализированностью и регулярностью сочетаемости. Третье, периферийное ядро образуют вводные и модальные слова, выражающие оценку говорящим достоверности сообщения, и интонационные конструкции. Однако самое интересное начинается на пересечении этих ядер. Так, форма сослагательного наклонения, образованная сочетанием глагола в прошедшем времени с частицей, происходящей от формы глагола «быть», способна выражать не только

ирреальность, но и смягченное побуждение — и в этом своем значении она вступает в синонимические отношения с формой повелительного наклонения. Описательно говоря, конструкция, где сослагательная форма второго лица соединяется с интонацией побуждения, часто употребляется в вежливой просьбе, тогда как форма повелительного наклонения в том же контексте воспринималась бы как слишком прямая или даже грубая. Здесь морфологическая форма, принадлежащая к одному полю (модальность гипотетичности), берет на себя функцию другого поля (модальность побуждения), и это перераспределение функций становится возможным именно благодаря полевой организации языка, где границы между подполями размыты и допускают семантические перетекания.

Особого внимания заслуживает функционально-семантическое поле персональности, которое в русской морфологии традиционно описывается как система личных окончаний глагола и личных местоимений. Однако функциональный подход обнаруживает, что отнесенность действия или состояния к участнику коммуникации может выражаться значительно более разнообразными средствами, чем это предусмотрено парадигмой спряжения. Ядром поля персональности служат личные формы глагола — первого, второго и третьего лица единственного и множественного числа — в сочетании с соответствующими личными местоимениями или без них, учитывая нулевое выражение подлежащего в русском языке. Однако уже на небольшом удалении от ядра мы обнаруживаем так называемые безличные конструкции, где глагол выступает в форме третьего лица единственного числа или среднего рода прошедшего времени, а семантический субъект либо полностью отсутствует, либо представлен дательным падежом имени. Такая конструкция, описывающая состояние или стихийное действие, выражает персональность с точностью до наоборот: ее функция состоит именно в снятии агента, в деперсонализации действия. И эта деперсонализация, будучи периферийным элементом поля персональности, одновременно является ядерным элементом другого поля — поля субъектности. Показателен также случай неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций. В конструкции, где глагол в форме третьего лица множественного числа употребляется без подлежащего, а обозначаемое действие относится к неопределенному или неизвестному агенту, происходит характерная нейтрализация персонального противопоставления: форма, морфологически маркированная как множественное число третьего лица, семантически обозначает единичного, но нереферентного агента. В другом типе конструкции, где та же форма глагола в том же множественном числе третьего лица, но в синтаксической позиции

главного члена односоставного предложения, выражает обобщенное действие, приписываемое любому лицу, мы наблюдаем еще более радикальный сдвиг: грамматическая форма, предназначенная для обозначения референтной группы лиц, начинает обозначать класс потенциальных субъектов, включающий самого говорящего и адресата. Эти факты показывают, что персональность в русском языке является не жесткой категорией с фиксированными формально-семантическими соответствиями, а динамическим полем, где ядерные формы постоянно взаимодействуют с периферийными синтаксическими стратегиями.

Механизмы, обеспечивающие функционирование этих полей, могут быть описаны в терминах транспозиции, нейтрализации и конкуренции. Транспозицией называется такое употребление грамматической формы, при котором она реализует не свое первичное, ядерное значение, а вторичное, периферийное, принадлежащее другому участку семантического пространства. Классический пример транспозиции в русской морфологии — употребление формы настоящего времени вместо будущего для обозначения ближайшего запланированного действия. Эта форма, ядерное значение которой — одновременность действия моменту речи, в контексте планов и расписаний приобретает значение будущего времени, причем это значение не является случайным или окказиональным, а закреплено в системе языка. Еще один пример — употребление формы прошедшего времени в значении будущего в разговорной речи, как в конструкции, где форма прошедшего времени сочетается с частицей, вносящей значение быстрого и неожиданного действия. Здесь морфологическая форма, предназначенная для обозначения предшествования моменту речи, начинает обозначать действие, которое только еще должно произойти, но говорящий представляет его как уже свершившийся факт для драматизации или выражения уверенности. Нейтрализация, в отличие от транспозиции, представляет собой снятие семантического противопоставления в определенных позициях. Так, в контексте отрицания видовое противопоставление совершенного и несовершенного вида может нейтрализоваться, причем доминирующей формой оказывается несовершенный вид. В такой конструкции, где отрицание относится к глаголу совершенного вида, возникает семантическая аномалия, поскольку совершенный вид предполагает достижение предела действия, а отрицание этот предел отменяет. Регулярное разрешение этой аномалии — использование несовершенного вида, который обозначает отсутствие действия вообще, без отсылки к его потенциальному пределу. Конкуренция же возникает там, где две различные формы могут выражать

одно и то же семантическое содержание, но различаются стилистически или прагматически. Классическая зона конкуренции — выражение побуждения формами повелительного наклонения, сослагательного наклонения и инфинитивными конструкциями. Конструкция с инфинитивом, начинающаяся с отрицательной частицы и содержащая форму дательного падежа субъекта, выражает категорический запрет или нежелательность действия, причем по силе императивности она превосходит даже форму повелительного наклонения с отрицанием.

Важнейшим следствием полевого подхода к морфологии является переосмысление отношений между грамматическими категориями. В традиционной грамматике категории существуют параллельно и независимо друг от друга: глагол имеет вид, время, наклонение, залог, лицо и число, и эти категории описываются по отдельности. Функционально-семантический подход, напротив, показывает, что эти категории постоянно пересекаются и взаимодействуют, образуя семантические комплексы, которые невозможно расчленить без потери существенной информации. Возьмем, например, такую категорию, как залог. Традиционно она описывается как система противопоставления активной и пассивной конструкций, маркируемая формами возвратных глаголов на -ся, а также краткими страдательными причастиями. Однако если мы посмотрим на употребление возвратного постфикса в русском языке, мы обнаружим, что он выполняет значительно более широкий круг функций, чем просто маркировка пассива. Он может выражать собственно возвратное значение, где субъект и объект действия совпадают, взаимное значение, где два или более субъекта совершают действие друг над другом, общевозвратное значение, где действие замыкается на субъекте без указания на объект, косвенно-возвратное значение, где действие совершается субъектом в своих интересах, и даже активно-безобъектное значение, где действие представлено как постоянное свойство субъекта. Все эти значения не укладываются в оппозицию актив/пассив, но они образуют собственное функционально-семантическое поле возвратности, которое пересекается с полем залога, но не совпадает с ним. Более того, возвратные формы с постфиксом -ся способны выражать модальные оттенки возможности или невозможности действия, как в конструкции, где возвратный глагол в третьем лице единственного числа с отрицанием обозначает запрет или невозможность действия в силу его внутренних свойств, а не внешних обстоятельств. Здесь мы видим, как возвратность, залог и модальность сливаются в единый семантический комплекс.

Не менее интересная картина наблюдается при анализе функционально-семантического поля числа в имени существительном.

Традиционная грамматика постулирует категорию числа с двумя значениями — единственного и множественного — и описывает случаи так называемого *singularia tantum* и *pluralia tantum* как исключения. Функциональный подход, однако, показывает, что семантическая зона количественности устроена гораздо сложнее. Ядро поля числа образуют флексии единственного и множественного числа у счетных существительных, где противопоставление одного предмета и более одного предмета является грамматически регулярным и семантически прозрачным. Однако периферия включает целый спектр количественных значений, выражаемых разнородными средствами: формы множественного числа от абстрактных существительных, которые приобретают значение интенсивности проявления признака или множественности ситуаций; формы единственного числа в собирательном значении, где единичная форма обозначает класс предметов; распределительное значение, выражаемое повтором существительного в форме единственного числа с предлогом; так называемое элативное значение, где форма родительного падежа множественного числа сочетается с отрицанием для выражения отсутствия чего-либо в большом количестве. Особенно показателен случай форм множественного числа от существительных со значением вещества, которые в ядерном значении являются *singularia tantum*. Когда такая форма все же употребляется, она приобретает значение либо сортов и типов вещества, либо отдельных порций или порождений этого вещества. Описательно говоря, выражение, обозначающее жидкость, во множественном числе начинает обозначать различные сорта этой жидкости, а выражение, обозначающее продукт питания, — отдельные порции этого продукта. Здесь происходит семантическая транспозиция: грамматическая форма, предназначенная для обозначения дискретных предметов, переносится на недискретную субстанцию, и в результате этого переноса субстанция начинает восприниматься как состоящая из дискретных единиц, то есть происходит своего рода грамматическая метафора.

Все эти наблюдения приводят к фундаментальному выводу о гетерогенности морфологического пространства и о принципиальной нередуцируемости значения к форме. Полевая модель, в отличие от таксономической, позволяет описывать не только то, что есть в языке, но и то, как язык работает в реальном времени порождения и понимания речи. Для говорящего выбор между ядерной морфологической формой и периферийной лексико-синтаксической конструкцией — это не выбор между правильным и неправильным, а выбор между разными коммуникативными стратегиями, разной степенью эксплицитности,

разной иллокутивной силой. Для слушающего восприятие грамматической формы никогда не является простым декодированием фиксированного значения; это всегда интерпретация, учитывающая контекст, жанр, регистр и общий коммуникативный фон. Именно эту интерпретативную гибкость и обеспечивает полевая организация грамматики: чем дальше от ядра, тем больше свободы и тем больше зависимость от контекста, но тем больше и семантическая плотность, поскольку периферийные средства часто несут дополнительную прагматическую информацию, отсутствующую у ядерных.

Значение теории функционально-семантических полей для русистики трудно переоценить. Она не только дает более адекватный инструмент описания уже известных фактов, но и открывает новые области исследования. К числу таких перспективных направлений относятся, во-первых, изучение динамики функционально-семантических полей в диахронии: как меняется конфигурация ядра и периферии при грамматикализации новых форм и утрате старых; во-вторых, сопоставительное исследование полевых структур в разных языках, позволяющее выявить типологические закономерности в организации грамматической семантики; в-третьих, экспериментальное изучение онтогенеза полевых структур в детской речи, где можно наблюдать процесс постепенного освоения ядерных форм и последующего перехода к периферийным стратегиям; в-четвертых, прикладные аспекты, связанные с автоматической обработкой естественного языка, где учет полевой организации грамматики может существенно повысить качество семантического анализа. Особенно перспективным представляется синтез полевого подхода с корпусной лингвистикой: большие корпуса текстов позволяют не только фиксировать частотность ядерных и периферийных средств, но и анализировать их распределение по жанрам, периодам и идиостилям. Такие исследования уже показали, например, что в разговорной речи периферийные средства используются значительно чаще, чем в письменной литературной, и что граница между ядром и периферией не является фиксированной, а зависит от модуса коммуникации.

В заключение следует подчеркнуть, что функционально-семантический подход к морфологии не отменяет и не обесценивает традиционный формальный анализ. Напротив, он предполагает его как необходимую базу: чтобы говорить о семантических сдвигах, нейтрализациях и транспозициях, нужно сначала установить, что именно является ядерным, немаркированным значением данной формы. Однако затем формальный анализ должен уступить место

функциональному синтезу, в котором отдельные формы, слова и конструкции предстают не как изолированные сущности, а как элементы единого семантического континуума. Именно этот синтез и является конечной целью функциональной грамматики, а понятие функционально-семантического поля — ее главным инструментом. Русский язык с его богатой морфологией и высокой степенью синонимии грамматических средств представляет собой идеальный объект для такого исследования, и многие из описанных выше феноменов, вероятно, имеют аналоги в других славянских языках, но именно в русском они проявляются с наибольшей полнотой и системностью. Дальнейшее развитие теории полей, несомненно, принесет новые открытия и позволит по-новому взглянуть на такие, казалось бы, хорошо изученные области, как соотношение грамматического и лексического значения, проблема изоморфизма плана содержания и плана выражения, природа грамматической синонимии и омонимии. До тех пор пока язык остается живой, изменчивой и многомерной системой, функционально-семантический подход будет сохранять свою актуальность как метод, позволяющий схватить эту изменчивость и многомерность в строгих, но достаточно гибких понятиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, темпоральность, модальность. — Л.: Наука, 1984.
2. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. — М.: Русский язык, 1980.
3. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984.
4. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке, семантика нарратива. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
5. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Якобсон Р. О. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985.
7. Мавлянова Тамилла Бахриллоевна, Художественное изображение народа и любви как отражение рая в газелях Хафиза Ширази.
<https://conferns.com/index.php/DTS/article/view/124>